

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ РОССИИ И АМЕРИКИ СКВОЗЬ ВИДЕНИЕ АЛЕКСИСА ДЕ ТОКВИЛЯ

Михалева Дарья Михайловна

студент, Московский Авиационный Институт, РФ, г. Москва

Комаров Алексей Валерьевич

научный руководитель, канд. пед. наук, доцент, Московский Авиационный Институт, РФ, г. Москва

В 1835 году Алексис де Токвиль опубликовал первый том “Демократии в Америке”, где были собраны его размышления о “политическом детстве” Америки и предопределены основные угрозы демократическому обществу. Немного позднее другой французский аристократ Астфольд де Кюстин совершает поездку в противоположном направлении и издает свои мемуары “Россия в 1839 году”. Если в первой работе идеализируется децентрализованное устройство США, то вторая - демонизирует тоталитарную систему самодержавия, сложившуюся в России. Именно в начале-середине XIX века возникает противопоставление России как деспотии и Америки как демократии. Обращаясь к Токвилю и Кюстину в контексте их времени, можно провести параллель между теми геополитическими реалиями и бытующим общественным мнением.

В финальной части “Демократии в Америке” Алексис де Токвиль приводит характерное сравнение двух стран: “В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство. У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира” [1, с. 227]. Это разветвление имеет неочевидное место в трактате, который был целиком посвящен описанию политической жизни американцев. Появление России в данном рассуждении имеет свои исторические предпосылки.

В первую половину XIX в. Россия в представлениях французской интеллигенции была таким “евразийским жандармом”. Стремительное расширение своей территории и появление России на международной арене заставляло задуматься об угрозе ее экспансии на Запад. Но если в наполеоновское время это устойчивое убеждение носило стратегический характер (в преддверии войны с Россией французский император поручал публиковать статьи о “захватнических планах” своего соперника, начиная с петровского правления [2, с. 128]), то в посленаполеоновской Европе дискурс сместился в зародившиеся сомнения о своем культурном превосходстве. Заграничный поход, Венский конгресс и Священный союз, инициированный Александром I, при всей своей миротворческой направленности также закрепляли Россию как потенциальную господствующую силу в Европе. Однако участие Священного союза в подавлении национальных движений в Италии и Испании и расправа над политически активными поляками вместе с упразднением Конституции Царства Польского и его реальной автономии побудили рассматривать Россию в свете реакционного варварского стремления против развития вперед.

Французским аристократам открывается неожиданное прочтение «Истории упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона, для которого внутренняя слабость державы стала главным фактором ее падения [2, с. 130]. Книга, ставшая настольной, напоминала о деградации идеалов Просвещения у европейцев-римлян и предостерегала об угрозе русских-варваров с восточного направления. Мишле популяризировал идею, что русские “не достойны общения с европейскими народами” [3, с. 98], Дидро констатировал неразвитость русского

общество и гипертрофию власти, сопряженную с деспотизмом [4]. В политической мысли этот дискурс было необходимо переосмыслить.

“Демократию в Америке” прежде всего стоит рассматривать в контексте кризиса парламентской монархии во Франции. Алексиса де Токвиля интересует, как американское общество пришло к принципам либеральной демократии, которая не состоялась в Старом свете. Он находит причины появления демократии в нравах и верованиях американских пуритан, их образе жизни и только после в сбалансированном законодательстве и политических институтах. Подвергнув их тщательному изучению, Токвиль пытается вывести критерии функционирования рационально устроенной политической системы, обеспечивающей демократию как равенство возможностей всех индивидов. Такое общество гарантирует человеку осознанный жизненный выбор профессии, а отсутствие наследуемого социального положения не приводит к распаду социальных связей. Наоборот, в таких условиях невозможна аристократия, традиционно выполнявшая роль нравственного модератора - эта роль замещена духом закона, поэтому для демократии характерно стремление к одинаковому образу жизни.

Важнейшее и недооцененное наблюдение Токвиля состоит в том, что демократия ничего не стоит, когда не опирается на ассоциации (те же профсоюзы) и сильное независимое провинциальное и городское самоуправление. Централизованное и атомизированное общество неизбежно дрейфует в сторону деспотии [1, с. 205]. Но Токвиль особо акцентирует внимание на беспрецедентность американской системы за счет ее специфики, и представление политического устройства в виде конгломерата местных самоуправлений помогает сколько ни перенять модель демократии, а взять основные инструменты для ее функционирования: конфедеративный децентрализованный строй, двухпалатный парламент, свободу ассоциаций и прессы, инклюзивность законодательства [5, с. 233-237]. Несомненно, что Токвиль, будучи последователем Монтескье, рассуждал о демократии в обобщенном смысле. Применительно к французской модели Россия явилась антиподом свободного общества.

Но оценка России сугубо как стратегической угрозы не дает понимания коренных причин, и в этом ценность “России в 1839 году” Астфольда де Кюстина, который обращается к противостоянию России с европейскими цивилизациями в дискурсе “борьбы культур”. В отличие от Дидро и Мишле, Кюстин не описывает русский народ как умственно-неполноценный, но отмечает такие локальные личностные черты, как хитрость, расчетливость и дисциплинированность [6, с. 150]. Другие наиболее важные особенности русского “менталитета” маркиз де Кюстин находит в абсолютизации власти и узких рамках повиновения. Характер русских подданных воспитывается в строгих условиях за отсутствием свободы, отсюда проистекает свойственное им лицемерие. Кюстин пишет: “Из подобного общественного устройства проистекает столь мощная лихорадка зависти, столь неодолимый зуд честолюбия, что русский народ должен утратить способность ко всему, кроме завоевания мира” [6, с. 330]. Под общественным устройством Кюстин подразумевает “перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства”. В его исследовании этот феномен берет начало от императора Петра, который “Табелем о рангах” совместил гражданское управление с военной иерархией [6, с. 338].

В теоретических суждениях Токвиля, который не был знаком с работой Кюстина, такое явление представляет собой разновидность демократии: “Я считаю, что легче установить абсолютное и деспотическое правление в той стране, где условия существования людей равны, чем там, где этого нет, и я думаю, что, если подобное правление будет там установлено, оно не только будет угнетать граждан этой страны, но надолго лишит каждого из них многих главных человеческих достоинств” [1, с. 497]. Но в противовес американскому обществу, для которого одинаковое представление о равных правах есть связующее звено, в России это равенство обеспечивается подчинением обожествляемой власти.

Соответственно, выводы Токвиля о свободе и рабстве как “основах деятельности” в противопоставляемых друг другу государствах можно воспринимать в конфликте между принципами либеральной демократии и тирании единовластия. Сам термин “la servitude” имеет размытые формулировки, предлагается даже трактовать его как “служение” [7]. Для Токвиля “свобода” и “рабство” означают политическую свободу и ее отсутствие, а не атрибуты

социального устройства.

Несмотря на все политические инварианты в США и в России, а это также и различия в способах колонизации: освоение фронта в Америке и создание на освоенных землях социально-экономических связей и экспансия в России, прогрессистский дискурс Токвиля предполагает, что они все же устремлены к единой цели - "стать хозяйкой половины мира". Если обратиться к настроениям французской интеллигенции, то вывод очевиден: Токвиль предвосхищает столкновение России с тенденцией прогресса в рамках всеобщей демократизации. Самодержавие, православие и народность выступают средством для того, чтобы подморозить ее "тлетворное влияние".

Список литературы:

1. Демократия в Америке: Пер. с франц./ Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 554 с
2. Нойманн И. Б. Использование "Другого". - Новое изд-во, 2004.
3. Berlin I. H. G., Berlin I. The power of ideas. - Princeton University Press, 2013.
4. Мезин С.А. Власть и общество в России глазами дени Дидро // История и историческая память. 2016. №13-14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-obschestvo-v-rossii-glazami-deni-didro> (дата обращения: 25.04.2021).
5. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. - Издательская группа "Прогресс", 1993.
6. Кюстин, Астольф де. Россия в 1839 году. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996
7. Исаев С. А. Как не надо реабилитировать Токвиля // Историческая экспертиза. 2015. №4 (5). С. 137-141.